

Гуйдо Пант

*Из книги «На краю вечности»,
Таллинн, 2009*

Издание Еврейского музея Эстонии

Перевод Инны Теплицкой

Жуткий конец

Всех 207 евреев, арестованных по списку, увезли в застенки Батарейной тюрьмы и затолкали в камеры 6-го отделения. Предсмертным местом моего отца стала камера № 49, та самая, где я позднее ожидал 511 суток, когда ночью массивная железная дверь откроется ударом ноги надзирателя, что значило – поведут на расстрел. Судьба распорядилась иначе – такая ночь для меня вообще не настала.

В центральной тюрьме было два отделения, откуда арестантов уводили на расстрел – для одиночек и закрытое 6-е отделение. Из первого приговоренных к смерти выводили по одному, во второе заключенных привозили группами и заталкивали в камеры, пока хватало места. В две большие и пять маленьких камер помещалось несколько сотен арестантов. Приговоренных вызывали из камер исключительно по ночам. Порядок был таким: арестантам приказывали надеть на себя все свои вещи, а если еще что-то оставалось – взять это с собой. В коридоре их выстраивали, пересчитывали, вели по коридору с зарешеченными дверями в большое приемное отделение. Там им приказывали раздеться догола. Приговоренным связывали руки, затем каждого из них привязывали к длинному канату. К выходной двери задом подъезжали крытые брезентом фургоны, туда заталкивали голых арестантов, выдергивая от каната по 10-15 человек. Так действовали, когда я был в тюрьме в 1943 г., наверное, так было и поздней осенью 1941 г. Пишу об этом, потому что раньше арестантов расстреливали в подвале тюрьмы. Так убивали, на самом деле, в советское время, это правда. Но ни в независимой Эстонии, ни во время фашистской оккупации в подвале расстрелов не было.

В тюрьме действовало старое неписаное правило – на ее территории нельзя было находиться с оружием. У всех надзирателей к поясу была прикреплена кобура для оружия, но, входя в тюрьму, каждый должен был сдать оружие и идти на свое рабочее место не вооруженным. Среди арестантов были и

приговоренные к смерти, для них существовала специальная одиночная камера. В ней были стол, стул и нары, а на столе – кружка с ядом. Арестант имел право выбора – выпить яд или умереть от руки палача. Если яд оставался не выпитым, палач надевал на арестанта маску, привязывал его к нарам, надевал петлю на шею и открывал люк в подполье. Приговоренного прямо в лежачем положении сталкивали в пустоту подполья, и наступал конец. Так убивали в первые годы эстонской независимости, а также во время фашистской оккупации, но только тех заключенных, кто был официально приговорен к смерти. Об исполнении приговора сообщали немецким городским властям или в газете «Rahva sõna» (Голос народа). Люди приговаривались к смерти за грабежи, убийства, диверсии, саботаж и др. Часто эти приговоры не исполнялись, об этом писал Яан Кросс в книге «Дорогие сопутники». Но все это не относилось к евреям.

Что произошло с отобранным у евреев добром и тем, что нельзя было взять с собой в тюрьму? Часть вещей, оставшихся в квартирах, собирали и отправляли на склад. Он располагался на углу Вяйке Тарту маантее и ул. Макри в большом каменном доме. Как бы в насмешку, именно сюда свозили пианино, диваны, трюмо, антиквариат, всевозможные ковры, потому что это было святое для евреев место – синагога! Большая часть этого богатства сразу отправлялась в Вермахт. Железнодорожные товарные вагоны были набиты буфетами из орехового дерева, черными роялями и кожаными креслами, картинами, написанными маслом, турецкими коврами и перьевыми подушками – все катилось в сторону Фатерланда. В то же время, Таллиннский городской комиссар жаловался, что золота и монет поступает недостаточно. Их предписано было отправлять в Берлинский ломбард.

Что же стало с личными вещами арестованных, которые им разрешалось брать с собой в тюрьму? В полицейском управлении их просто отбирали, по этому поводу выдали специальную бумагу, начинающуюся словами: «Взятые на хранение у Хярмо Панта вещи...». В «Книге взятых на хранение вещей» под №165 позже сделано добавление – «Начальнику Политической полиции – предъявляю распоряжение – отнятое у Х.Панта в ходе расследования имущество опечатано в Таллинне 30 сент.1941 г., №488». Так с «взятыми на хранение вещами» дело прояснилось – они поступили в распоряжение Пол-Пола.

Вернемся ненадолго в тюрьму, в так называемый вестибюль, где на полу валялись сорванная с арестантов одежда и обувь. Все это немного отправилось оттуда в тюремный склад имущества арестованных. И так как у этого «имущества» больше хозяев не было, охранники или другие желающие могли здесь взять, что душе угодно.

До сих пор неизвестно, где расстреливали евреев и где их могилы. Насколько я знаю, не сохранилось никаких документов. Моя мама своей рукой записала под заглавием «Из данных о том, где похоронен Хярмо, далее цитирую: « Это было в раздевалке промышленного предприятия, где я работала. Я запела песню «За

звездами» и подумала, зачем я пою похоронную песню? Какое сегодня число? Тут я вспомнила, что 25 сентября, день смерти мужа... Вскоре в раздевалку зашел один из рабочих, и я ему рассказала, что мой муж – еврей, и что он был убит немецкими оккупантами. Собеседник спросил, знаю ли я, где он похоронен? Этого я не знаю. В ответ я услышала от него такую историю. Его знакомый спросил у сторожа кладбища Лийва, не страшно ли ему там жить. «Нет, - ответил он, - было страшно от криков и воплей, когда здесь за лесом убивали евреев из Батарейной тюрьмы». В ответ на вопрос о том, где находится этот лес, где произошло убийство, сторож показал рукой налево, сказав, что этот лес – дальше. Жена моего сотрудника похоронена на кладбище Лийва, и мы решили в следующее воскресенье туда поехать. На кладбище нам встретилась женщина, у которой я спросила, знает ли она, где расположен лес, в котором убивали евреев. Она отвела нас на одну из дорожек и сказала: «Идите дальше по этой дорожке, увидите большой песчаный ров, пройдите мимо него и вскоре покажется этот лес». Я хотела запеть «За звездами», но когда дошла до леса, забыла о песне, так я испугалась, увидев кое-где дыры на месте осевших могил. Дальше я идти не осмелилась, в лесу было так одиноко... Я рассказывала об этом лесе многим знакомым, однажды мы даже туда пошли, но не решились войти в лес, так как еще издали увидели выстроенную там сторожку».